

Гао Линя не удивила реакция мастеров — даже пустынные волки, завидев князя Сяо, норовили обойти его стороной. Куда больше он поразился спокойствию Лю Сюаньяня. Тот, хоть и устал, выглядел лишь слегка помятым; изнеженный аристократ, казалось, вовсе не был потрясён резнёй и кровью, выражение его лица почти не изменилось — словно он наблюдал за пресным спектаклем издали, оставаясь безучастным к действию, без радости и без печали.

Эх... Выходец из Поместья Белого Журавля и впрямь не прост.

Пройдя ещё немного, они увидели новые постройки с большой табличкой «Зал Собрания Праведников» — самое сердце разбойничьего логова. Гао Линь пнул деревянную дверь, та с грохотом распахнулась, подняв клубы пыли. Внутри компания, занятая дележом добычи, вскочила с мест, торопливо обнажая клинки и настороженно уставившись на незваных гостей.

Гао Линь повторил:

— Где моя сестра?

Кровь на подоле Лю Сюаньяня красноречиво говорила об исходе бойни у горных ворот. Разбойники не решались нападать, лишь медленно отступали, крепче сжимая рукояти.

На троне из тигровой шкуры восседал мужчина по имени Цзян Гуй, главарь этой шайки. Он почитал себя злодеем, грабившим и убивавшим десятки лет, и даже в зрелости не утратил амбиций. Тщательно выбрав гору Укрощённого Тигра как благодатное место, он вознамерился развить новое дело, но сначала его людей перебили охранники каравана, а теперь, не успев оправиться, он навлёк беду, похитив «жену для логова». Столь неудачный старт заставил его усомниться: не нанял ли он тогда шарлатана-геоманта?

Гао Линь нетерпеливо потребовал:

— Выводи её сюда!

Цзян Гуй, ошеломлённый, не посмел перечить, лишь взглядом приказал подручным идти во внутренний двор. Вскоре те привели девушку в красном — это была Чэн Суюэ.

Выросшая с малых лет в военном лагере, Чэн Суюэ не ведала, что такое скромность и благонравие. Притворяться изнеженной барышней в разбойничьем логове ей было нелегко, поэтому, увидев князя и названного брата, она мигом вернулась к своей сути, способной голыми руками волка завалить, и закатала рукава:

— Братец... брат.

Её взгляд упал на Лю Сюаньяня, и она тут же опустила рукава, выпрямилась, да и голос сделала тоньше.

Выходит, притворяться благородной девицей всё же можно — главное, знать, кто перед тобой стоит.

Гао Линь с изумлением наблюдал за этой метаморфозой.

— Господа... почтенные господа, — пролепетал Цзян Гуй, который всё это время тревожно следил за происходящим. — Ранее мы не ведали, с кем связываемся, и обидели эту госпожу. Теперь мы её вернули, может, на том и покончим?

Лян Шу сказал:

— Говори.

— Говорить?.. О чём? — Цзян Гуй не понял. Подняв голову, он увидел, что вопрос адресован не ему.

Чэн Суюэ выступила вперёд:

— Ваше Высочество, в этом логове припрятано много старых вещей — похоже, всё связано с делом чиновника Тана, что было больше десяти лет назад.

Услышав «Ваше Высочество», Цзян Гуй чуть не испустил дух. Даже будучи невеждой, он знал, что князем таких лет в империи мог быть лишь Лян Шу. Вспомнив дурную славу князя Сяо, который и без причины готов был прирезать пару человек ради забавы, Цзян Гуй потемнел в глазах и тяжело свалился с трона, с которого ещё не успел насладиться властью.

Дело чиновника Тана было знакомо и Лю Сюаньаню. Чиновник Тан по имени Тан Сяочжун служил высокопоставленным сановником при покойном императоре. Тринадцать лет назад его направили с миссией доставить золото и зерно на юг для помощи голодающим, но по пути обоз ограбили дочиста. Потрясённый император велел бросить Тана Сяочжуна в темницу. Императорская гвардия явилась за ним дождливой ночью, но, войдя в усадьбу, обнаружила двор, усеянный телами. Гром и молнии разрывали небо, а кровь, стекая по ступеням, заливала всю улицу — точь-в-точь преддверие ада.

С тех пор это дело стало главной нераскрытой тайной Великой Янь, и убийц так и не нашли.

Чэн Суюэ тоже направлялась в Город Белого Журавля, да ещё и по высочайшему повелению. Видимо, император полагал, что окружение брата, сплошь из холостяков-воjak, не способствует счастливому браку, и потому велел ей помочь — мол, женщины между собой хоть о чём-то да договорятся.

Однако, едва достигнув горы Укрощённого Тигра, она наткнулась на эту шайку.

Чэн Суюэ подумала, что похищение может обернуться пользой — подожжёт логово и избавит народ от напасти. Но, войдя внутрь, она сразу заметила большой ларец из золотистого наньму с застёжкой, украшенной нефритом, на котором золотой проволокой был вышит лотос. Узор «золотая проволока, обвивающая лотос» — как две капли воды похож на тот, что украшал вещи из груза чиновника Тана.

Осматриваясь дальше, она заметила, что клинок одного из разбойников, несмотря на рваньё, явно был творением мастера. Даже с почти выпавшими самоцветами на ножнах это угадывалось. Тогда Чэн Суюэ, прикинувшись нежной, принялась выспрашивать, и разбойник, вероятно, отроду не видевший таких красавиц, тут же попался на удочку и поведал историю меча.

Эти разбойники долгое время промышляли на горе Дацан на юго-востоке. Благодаря богатой добыче, они редко брались за крупные дела, проводя дни в попойках да азартных играх, пока сокровищница не опустела — наглядный пример того, как проедаешь всё достояние.

Когда деньги кончились, начались распри, и большая часть шайки разбрелась. Цзян Гуй со своими людьми захватил часть добра и, выбрав гору Укрощённого Тигра, отправился на север, чтобы основать новое гнездо.

Чэн Суюэ спросила:

— Этот меч — последнее, что вы уворовали?

Сторож кивнул:

— К концу в хранилище и впрямь почти ничего путного не осталось, но хоть что-то.

— А откуда вообще взялись вещи в хранилище?

— Тоже украли, лет десять назад. Сам не видел, но слышал, ограбили какого-то важного чиновника.

Услышав это, Чэн Суюэ не стала медлить и тут же отправила письмо в Город Белого Журавля.

— Ограбили важного чиновника, — произнёс Лян Шу, восседая на троне из тигровой шкуры и устремив ледяной взгляд на дрожащего главаря. — Какого чиновника?

Цзян Гуй, собравшись с духом, ответил:

— Э-это... чиновника по фамилии Тан. Он тогда, кажись, вёз помощь голодающим.

Едва он договорил, как по лицу ему пришёлся оглушительный удар. В ушах зазвенело, из носа хлынула тёплая кровь — будто мозг вышибло этим резким движением.

— В те годы в районе Байцзяна царил голод, люди дрались за корни и древесную кору. Двор из последних сил собрал те припасы для помощи, — Лян Шу говорил холодно, каждое слово — как нож. — Тысячи жизней голодающих, жизни солдат-спасителей, жизнь всей семьи Тана — вы всё прибрали к рукам.

— Нет, нет, не я! — залепетал Цзян Гуй. — Я тогда был мелкой сошкой! Всё украли Фэн Сяоцинью и главарь. Фэн Сяоцинью, слышать, имел к тому чиновнику кровную обиду. Он не только серебро уворовал, но потом ещё и в Королевском городе людей порешил!

Дело, которое расследовали больше десяти лет, неожиданно получило зацепку. Гао Линь спросил:

— Кто такой Фэн Сяоцинью?

— Приёмыш главаря. Лет ему тогда было всего четырнадцать-пятнадцать, но уж больно искусен в бою, потому его и ценили. Молчун был, как немая гора, друзей не водил. Вскоре после ограбления пропал без вести.

А через несколько месяцев из Королевского города пришла весть: Фэн Сяоцинью вырезал семью важного чиновника, и за ним объявлена охота. С тех пор его никто не видел — жив ли, мёртв ли.

Гао Линь продолжил:

— Где теперь те, кто участвовал в том ограблении?

— Главарь давно помер от болезни, остальные же после распрей пару лет назад разбрелись, почти никого не осталось, — Цзян Гуй, запинаясь, припоминал, но, случайно встретившись взглядом с Лян Шу, оробел и затараторил быстрее. — Но одна точно в курсе всего — Хэ Жао.

Она много лет при главаре состояла, много чего знает. Теперь сменила имя, замужем за главой Бюро сопровождения «Ваньли». Недавно сама приходила, большие деньги сулила, чтобы двоих прикончили.

— Получилось?

Цзян Гуй невольно содрогнулся:

— Нет... не вышло. Тот оказался крепким орешком, не справились мы.

<http://bllate.org/book/16268/1464067>